Год дракона

ОНА ЕГО СПАСЕНИЕ
И ЕГО СМЕРТЬ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Виктория Аксыч

Год дракона

«Автор»
2026

Аксыч В.

Год дракона / В. Аксыч — «Автор», 2026

Отец Алисы - гениальный, но невезучий изобретатель. Однажды, после очередного поражения на научной выставке, он проигрывает свою дочь в карты. После этого Алиса попадает в Англию, где ее преподносят в качестве подарка местному принцу, но девушка не намерена мириться со своей участью._____В 1840-м молодой лорд Томас Рид ведет аморальный образ жизни. Он привлекателен, богат, властен, да только чужд к любви и чувствам других. Разные ночи - разные девушки, которые в последствии теряли от беззаботного лорда голову.Но у красивой беспечной жизни есть своя цена.

© Аксыч В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Алиса 6
Флешбэк 1. Томас 10
Глава 2. Девчонка Гилберт 13
Флешбэк 2. Томас 16
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Виктория Аксыч
Год дракона

Пролог

Книжные выдумки в этом мире ***могут оказаться горькой реальностью в другом…***

Всего несколько часов назад можно было легко вернуться в замок. Но теперь луна захлебнулась в грозовых тучах, и дорогу назад поглотила тьма.

Я не знаю, преследуют ли меня. Сквозь сплошную стену ливня и издевательское карканье ворон разглядеть погоню невозможно. Я пыталась убежать от этого места, от той ужасной какофонии — хлюпанья, чавканья, воплей. Но даже здесь, в ревущей темноте, она все еще звучит в моей памяти. Я не могу остановиться. Не сейчас. Не тогда, когда та тварь, которую призвал Том... воплотил... сотворил из грязи и боли, все еще где-то рядом. Картина того, как огнедышащее чудовище разрывает Майкла на части, пылает в моем сознании раскаленным добела светом.

Внезапный удар в плечо сбивает меня с ног. Я кружусь и падаю навзничь, с шумным всплеском соскальзывая в соленое мелководье. Болезненный стон вырывается из груди. Рот заполняет острый металлический привкус крови. Я пытаюсь закричать, но из горла вырывается лишь хрип — каждый нерв горит огнем. Пытаюсь встать, но подвернутая лодыжка подводит, и я снова падаю, вскрикивая от боли. Тянусь к камням, чтобы опереться, но пальцы нащупывают лишь скользкие сухожилия, острые шипы и холодную грязь.

Сквозь пелену дождя и слез я вижу нависшую надо мной фигуру. Она все еще в крови Майкла и в той грязи, из которой родилось чудовище. Тучи смыкаются, дождь усиливается. Острые когти монстра сверкают в угасающем свете далекой молнии, когда тварь заносит лапу для последнего удара...

Глава 1. Алиса

Мне всегда казалось, что удивительные истории должны иметь необычное начало. Знак свыше, вещий сон, или хотя бы внезапное чувство, что сегодня все изменится. Но со мной ничего такого не произошло. Это был самый обычный вечер самого обычного вторника.

— И в номинации «В ногу с двадцать первым веком» побеждает... Клара Роук!

Зал взорвался аплодисментами. На сцену элегантно поднялась невысокая женщина лет тридцати пяти, с видом победительницы, которая знала о своем триумфе заранее, она начала произносить хорошо отрепетированную речь.

Ну еще бы. Она полгода раздвигала ноги перед главным членом жюри.

Я затушила сигарету о мраморный фонтан в центре фойе, выдохнула дым и направилась к отцу. Он стоял с гордо поднятой головой, изредка вежливо похлопывая, но его разочарование не могла скрыть ни одна каменная маска.

Последние несколько лет мы колесили по штатам, гоняясь за научными премиями. Вернее, гонялся отец. Я же была его «счастливым билетом», вынужденным таскаться за ним повсюду. Только вот клевер удачи из меня был так себе. Отец, будучи талантливым изобретателем, чьи идеи пользовались спросом, не выиграл еще ни разу. Зато из года в год побеждала серая мышь из Колорадо — Клара Роук.

— Видимо, в постели она еще та штучка, — шепнула я, подходя к отцу.

— Позорно раздавать награды за постельные услуги! — огрызнулся он.

— Боюсь, сэр, дело не только в услугах. У нее еще и ротик хорош, из которого сейчас так складно летят слова благодарности, — тихо хмыкнула я.

— Алиса! — отец одарил меня суровым взглядом. — Что за манеры?

— Ты сам начал.

Джон допил шампанское и направился к выходу. На парковке нас ждал длинный черный лимузин, за который теперь придется платить из своего кармана. Хорошо, что контракт не предусматривал оплату шикарного отеля в случае проигрыша. Наш счет и так доживал последние дни.

После смерти мамы отец получил страховку и с головой ушел в науку. Он бросил работу, продал наш дом в Миссури, купил дурацкий дом на колесах, и мы отправились в путь. Первый год пролетел быстро: я помогала Джону с изобретениями, а он выступал с ними на ярмарках. Для его задумок требовалось безумное количество запчастей. Сначала мы покупали все в дорогих магазинах, но после второго проигрыша пришлось переключиться на авторазборки и склады.

На одном из таких складов я и познакомилась с Майклом — качком-футболистом, влюбленным в жизнь, тачки и, как оказалось, в меня. Майкл стал нашим снабженцем, добывая детали по дешевке. Джон был не против и вскоре начал видеть в нем моего будущего мужа. Я лишь отмахивалась, ссылаясь на то, что рано.

И вот, после очередного проигрыша, отец завел старую песню:

— Алиса...

— Пап, ну не надо, — тяжело выдохнула я.

— Милая, ты же видишь — ничего не выходит. Эта вертихвостка будет отбирать мои премии до самого климакса!

— Я сто раз предлагала уехать во Францию или Англию! Но ты уперся, как баран, не желая видеть другие варианты.

— Дочка, я устал. Я хочу купить дом и остепениться, — отец прикрыл глаза.

— Это ты втянул нас во все это! Стоило мне окончить школу, как мы рванули из Миссури куда глаза глядят! А теперь выходит, что все было зря? Я не пошла в колледж из-за тебя, потому что ты просил поддержки! Но дело тут вовсе не в науке, — я сжала губы.

— Не смей меня винить! Я хотел как лучше!

— Как лучше? Ты бежал от боли после смерти мамы, а обо мне ты подумал?

— Я думаю о тебе сейчас! Разве плохо я желаю своей дочери нормальной жизни? Майкл — надежный, правильный парень. С ним ты будешь счастлива!

Лимузин остановился у отеля. Я тяжело дышала, щеки горели. Ненавижу эти разговоры. Они всегда заканчиваются ссорой.

Отец угрюмо посмотрел на меня и вышел. Я протянула водителю чаевые и выскользнула следом. На улице было свежо: крупные хлопья снега укрывали серый асфальт белым одеялом. Я глубоко вдохнула морозный воздух и вошла в холл.

Мой номер был на десятом этаже, отца — этажом ниже. Меня всегда мучила мысль, что Джон слышит наши с Майклом ночные забавы, и я просила парня сменить номер. Но он уверял, что звукоизоляция здесь отличная. Конечно, ему-то что? Он готов на что угодно, лишь бы залезть ко мне в трусы. А я не могла расслабиться, зная, что отец «за стеной».

В эту ночь повторилось то же самое.

Майкл уже запустил пальцы мне под трусики, когда я перехватила его руку и замотала головой.

— Пойдем хотя бы в ванную! — взмолилась я.

— Детка, расслабься! — он продолжал двигать пальцами внутри, а другой рукой взял мою ладонь и прижал к своему паху. — Я уже готов трахнуть тебя, красавица моя.

На секунду я забылась в его ласках, но потом очнулась и вскочила с кровати.

— Либо мы идем в ванную, либо ты будешь дрочить на порносайт!

Майкл громко вздохнул.

— Алиса, тебе двадцать лет!

— И что? Это мой отец! Он даже за намек на минет сегодня на церемонии отчитал меня!

— Намек на минет? — не понял Майкл.

— Клара Роук.

Майкл почесал затылок и снова вздохнул.

— Ладно, идем в ванную.

Ванная была роскошной: джакузи, душевая кабинка, две раковины. Мы уже практиковали секс здесь, так что я без лишних слов оперлась руками о бортик джакузи. Майкл обхватил мои бедра и резко вошел в меня, сразу набирая быстрый темп. Он мял мою грудь, покусывал шею.

— Тебе хорошо? — выдыхал он.

Мое тело тряслось, я чувствовала каждое его движение.

— Да... о, да... — старательно стонала я.

В последнее время секс с Майклом стал пресным. Чтобы возбудиться, мне приходилось прокручивать в голове сцены из порно. Ни оральных ласк, ни разнообразия — только двухминутный механический трах. Майкл всегда любовался собой в любом отражении. Его коронная фраза неизменно сопровождала финал. Я уже знала каждый его шаг. Майкл не был моим первым, но ему так хотелось думать, что я просто поддерживала его иллюзию.

Он напрягся, последние мощные толчки, выкрик моего имени и...

— Погляди, как я хорош, детка!

Бинго.

Я почувствовала тяжесть его тела, когда он почти рухнул на меня.

— Ты тоже прекрасна! Вух! — Майкл хватал ртом воздух и шлепнул меня по ягодице.

Я набрала джакузи, отказавшись мыться с ним. Мне хотелось побыть одной и подумать. Неужели я готова расстаться со свободой? Скитания за отцом — не жизнь мечты, но это ли не лучше брака по расчету?

Я задавала себе этот вопрос снова и снова. Майклу идея брака по душе, а как же я? Я хочу увидеть мир, съесть самую большую пиццу, победить в конкурсе по поеданию хот-догов! Майкл — не моя любовь. Я просто проявила к нему симпатию однажды и теперь жалею об этом.

Выйдя из ванной, я застала Майкла листающим порно-каналы в поисках «новых поз». С тоской оглядев его, я забралась в постель.

Когда же это закончится?

Среди ночи меня разбудил настойчивый стук в дверь. С каждой секундой он становился громче. Затем послышались мужские голоса, обменивающиеся шутками и грубым гогочущим смехом.

Майкл спал мертвым сном, не реагируя на мои толчки. Я на цыпочках подкралась к двери, вооружившись обувной лопаткой.

— Просыпайся, твоему папочке нужна помощь! — рявкнул незнакомый голос.

Я сосчитала до десяти и распахнула дверь, размахивая лопаткой.

— Эй, эй, остынь! — закричал один из незваных гостей.

— Буйная девушка, — поддержал его высокий худой парень с зубочисткой в зубах. — Неплохой приз.

— Что случилось? — испуганно выдохнула я.

— Твой отец проигрался нам в карты.

— О, нет! — простонала я, понимая, что стряслось.

Отец никогда не умел играть, но страсть к азарту была сильнее разума.

— Сколько? — спросила я, потянувшись за чековой книжкой. — Пять тысяч? Десять?

— Всё, — сухо ответил парень с зубочисткой.

По спине пробежал холодок. Я бросилась на первый этаж в одной ночнушке. В ресторане, за барной стойкой, полулежал Джон. Я подбежала и начала трясти его. Он был мертвецки пьян.

— Что ты натворил? — закричала я. — Зачем? Мы теперь без гроша!

— Али...са, — заплетающимся языком пробормотал он, — п-п-рости.

Больше от него было не добиться ни слова.

Ко мне подошли те люди из номера. Я нервно сглотнула, стараясь держаться уверенно.

— Послушайте, мой отец — ученый. Ему дадут кредит, и мы все вернем!

— Нас деньги больше не интересуют, — загоготал мужчина с пивным животом.

— А что тогда? Драгоценности? Недвижимость? — мой голос дрогнул.

Я знала, что карточные долги просто так не прощают.

Парень с зубочисткой вытащил её изо рта и плотоядно улыбнулся.

— Ты.

Я опешила.

— Что значит «я»?

— Твой папаша проиграл тебя в карты, — рявкнул толстопуз и мерзко засмеялся.

— Это шутка? — я непонимающе оглядывала их.

— Детка, мы похожи на клоунов?

— Нельзя выиграть человека! Я не вещь! — колени задрожали.

— Твой отец должен нам три миллиона долларов. Пока не получим деньги, ты будешь в залоге.

— Это незаконно! Я вызову полицию!

Я дернулась, но тут же почувствовала у живота холодок металла.

— Только пикни — и пуля сначала в тебя, потом в твоего папашу, — прорычал толстопуз.

Внутри вскипела злость. Насмотревшись боевиков, я вдруг обрела храбрость.

— Стреляй, — твердо сказала я. — Настоящие убийцы не болтают. Они просто стреляют. Ну же?

— Мы не убийцы, детка. Гордъ, убери пушку, — приказал парень с зубочисткой. — Нам нужны деньги, а не трупы.

— Я никуда не пойду! Вызывайте полицию, решим всё цивилизованно!

Толстопуз театрально вздохнул. Парень снова вытащил зубочистку, усмехнулся и кивнул.

— Заканчиваем с ней.

— Что это зна...

Я не успела договорить. К моему лицу прижали влажную ткань. Резкий запах ударил в нос, ноги подкосились, и я провалилась в темноту.

Очнулась я в вонючем старом сарае, на куче сена и опилок. Голову разрывало, в горле пересохло. Я приподнялась на локтях, осматриваясь. Ничем не примечательный, холодный сарай. Вот дерьмо.

Меня не связали. Пошатываясь, я встала и, опираясь о стены, добрела до двери. Заперто.

За дверью послышались голоса и шаги. Я юркнула обратно на сено. Дверь распахнулась, и вошел тот самый парень с зубочисткой.

— Очнулась? — он протянул мне стакан воды. — После хлороформа всегда хочется пить.

Я со всей силы пнула его по руке. Стакан упал.

— Пошел на хрен! — прошипела я.

Он засмеялся, а в следующую секунду его ладонь со звоном врезалась мне по лицу.

— Нам велено доставить тебя живой, но про невредимую ни слова не было!

Второй удар рассек мне губу. Он снова протянул стакан.

— Пей!

Дрожащей рукой я взяла воду, прополоскала рот от крови и... выплюнула все ему в лицо.

— Я сказала — пошел на хрен!

— Тупая стерва!

Платок снова прижался к моему лицу. Спасительный мрак поглотил меня.

Второй раз я пришла в себя в теплом каменном доме. Лицо саднило: губа онемела, под глазом наливался фингал. Я лежала на мягкой постели и смотрела в потолок. В камине потрескивали дрова, стены украшали чучела животных, а по стеклу барабанил дождь.

Кажется, ты хотела приключений? Получи и распишись.

Я понятия не имела, где нахожусь. Неужели я проторчу здесь до старости? Отец никогда не соберет такую сумму!

Отчаяние сдавило грудь. Когда ты в плену и не знаешь, что будет завтра, переоценка жизни происходит сама собой. Сейчас мне казалось, что брак с Майклом был бы не самым худшим вариантом.

На втором этаже послышались шаги и приглушенные голоса.

— Нам велено... и вознаграждение! — голос толстопуза.

— ...машина не проедет... лес... только лошадь. — зубочистка.

— Мне плевать, как вы это сделаете! — этот властный голос я слышала впервые.

Дверь наверху хлопнула, и тяжелые шаги застучали по лестнице. Кто-то вышел из дома в сильном раздражении.

Я тихо подошла к окну. Из-за ливня было почти ничего не видно. Я разглядела лишь фигуру среднего роста в сером плаще. Он стоял под проливным дождем без зонта, уперев руки в бока и задрав голову к небу. Я пыталась рассмотреть его лицо сквозь заляпанное стекло. Вдруг он резко повернулся в мою сторону. Я отпрянула от окна и бросилась обратно в кровать.

Что, черт возьми, здесь происходит?

Флешбэк 1. Томас

1840 год. Хоэрт, Англия.

Мой особняк стоял на горном плато, у самого озера, и ветра здесь гуляли такие, что, по слухам, могли заморозить грешника в аду. Дорога к нему вела через дремучий лес, и не всякий местный решался путешествовать по ночам. Местные суеверно шептались, что в ветвях прячутся души утопленниц, а волки там крупнее, чем во всех остальных лесах графства. Меня это вполне устраивало. Гостеприимством я не славился, а визитеров без приглашения не жаловал. Зато девушки, потерявшие голову от безответной любви, с завидным героизмом преодолевали темные заросли, чтобы оказаться в моих объятиях. Им нравилась дрожь страха перед ночным лесом, которую сменяла дрожь страсти в моем доме. Я давал им то, чего не могли дать их скучные, предсказуемые женихи.

Я обожал женщин и никогда не ограничивался одной. Мне нужна была каждая хорошенькая девушка в округе. Я наслаждался их молодостью и красотой, их наивным восхищением, тем, как они краснели под моим взглядом. А они получали возможность провести ночь с самым завидным женихом Хоэрта, чтобы потом, сидя у камина в гостиной своих родителей, с томным вздохом вспоминать дерзкого Томаса Рида. В моем особняке служили только мужчины и женщины в возрасте — иначе, клянусь, мне пришлось бы менять прислугу каждую неделю. Я был хищником по натуре, и не видел в этом ничего зазорного. Я не был создан для моногамии, а дамы влюблялись в меня после первой же ночи.

Я строго соблюдал собственные правила. До этого случая.

Несколькими месяцами ранее

В честь месяца урожая я давал бал. Мои легендарные, но редкие приемы собирали всю знать, и атмосфера в зале всегда накалялась до предела — от сплетен, шампанского и взаимной неприязни. В округе считали: если ты не получил приглашения от Томаса Рида, значит, ты недостаточно значим. Приятно быть самым влиятельным засранцем в округе. Лорды пытались сосватать мне дочерей, один даже, захмелев, предложил жену. Я рассмеялся ему в лицо и закрыл для него двери своего дома. Навсегда. Моя репутация была мне дороже мимолетной выгоды.

В тот вечер особняк сиял: хрустальные люстры, позолота лепнины, шелк портьер — все подчеркивало мое богатство и, как я полагал, безупречный вкус. Ровно в восемь двери распахнулись для гостей.

Каждый подходил ко мне с выражением почтения, и я принимал эти знаки внимания как должное.

— Великолепный прием, Томас! — произнес один из лордов, вздернув подбородок, стараясь казаться выше.

— Благодарю, сэр Гоберри. Вкус и состояние достались мне от родителей. Моя заслуга лишь в том, что я сумел ничего не испортить.

Мы оба рассмеялись. В моих словах не было лжи. Родители сколотили состояние на текстиле и перед смертью завещали всё мне. Я не был праздным бездельником — я приумножал их дело, вкладывал деньги в новые станки, расширял производство. Это тоже играло немалую роль в моей «популярности». Меня боялись, уважали, но вряд ли искренне любили.

Лорд Гоберри похлопал меня по плечу, увлекая в сторону, подальше от ушей гостей.

— Томас, у меня к тебе просьба, — начал он, понизив голос.

— Маркус, я не женюсь на твоей дочери, — отрезал я. Эта тема мне порядком надоела.

— Нет-нет, мои девчонки уже пристроены! Слава Богу! — засмеялся он, но смех его звучал нервно. — Дело в жене и ее младшей сестре.

— На ней я тоже не женюсь, — усмехнулся я, делая глоток бренди.

— Нужна лишь работа, Томас. Эвери — замечательная женщина, добрая, работящая. Ее муж — неплохой малый, но ищет место. А у тебя, я знаю, всегда нужны люди.

— Сколько лет этой замечательной Эвери? — нахмурился я, чувствуя подвох.

— Двадцать... э-э... — Маркус замялся, потирая переносицу.

— Двадцать?! Всего двадцать? — переспросил я, и мой голос, должно быть, прозвучал резче, чем я предполагал.

Маркус поспешно закивал.

— Исключено! Ты прекрасно знаешь мои правила: никаких молодых служанок в доме. Ты хочешь, чтобы я сам себя искушал? Или чтобы у меня весь год под окнами девицы рыдали?

— Томас, она замужем! И, клянусь тебе, она безумно любит своего мужа. Смотрит на него, как на икону. Тебе ничего не грозит, клянусь честью! — Гоберри прижал руку к сердцу, и его глаза умоляюще смотрели на меня.

Я закатил глаза. Ни один муж еще не останавливал моих прежних любовниц. Скорее, их присутствие придавало игре особую остроту. Но Гоберри смотрел на меня с такой надеждой. Он много лет был правой рукой нашей семьи, без него многие дела, особенно в судах и с поставщиками, пришли бы в упадок. Я вздохнул, чувствуя, как привычная твердость дает трещину под напором старческой мольбы, и тут меня осенило:

— Пусть переезжают. Оба. Мне как раз нужен новый конюх. Старый совсем сдал, справляется еле-еле.

Лицо Маркуса озарилось такой радостью, будто я пообещал ему пенсию.

— Конечно! Они приедут завтра же! Я сам прослежу! — он тряс мою руку, утирая платком выступивший на лбу пот.

— Но только на полгода. Испытательный срок. Потом пусть ищут другое место, если не подойдут, — добавил я строго.

Старик согласно закивал, рассыпаясь в благодарностях. Наивный. Неужели в городе не нашлось другого места для работы для его родственницы? Ладно, девчонка будет жить здесь, под боком, но с мужем. Ничего страшного не случится. Я взрослый человек и умею держать себя в руках.

На следующий день, под моросящим дождем, на пороге стояла супружеская пара с одним потертым чемоданом. Я окинул взглядом мужчину: высокий, тощий блондин с руками, больше похожими на руки счетовода, чем работяги. Зря я поспешил с предложением — как такой сможет управляться с норовистыми жеребцами?

Затем мой взгляд упал на девушку, стоящую чуть позади него, и мир вокруг словно замер. Черт возьми, она была прекрасна! Длинные, до пояса, черные волосы, выбившиеся из-под капора, тонкая талия, перетянутая простым шерстяным платьем, острые, благородные черты лица и пухлые, чуть припухшие от дорожной сырости губы. Карие глаза, огромные и глубокие, как омут, длинные пальцы, нервно теребящие край накидки...

Я смотрел на Эвери, не в силах отвести взгляд, чувствуя, как внутри закипает тот самый знакомый азарт, который я так хорошо знал. Я рассматривал ее, как охотник рассматривает дичь, отмечая каждую деталь. Но она... она даже не смотрела в мою сторону. Её взгляд, полный нежности и заботы, был прикован к этому тощему блондину. Она что-то тихо шепнула ему, поправляя воротник. И меня это кольнуло. Остро и неприятно. Я не привык к равнодушию. Тем более со стороны таких красивых женщин.

Повисла неловкая пауза, которую прервал деликатный кашель дворецкого.

— Сэр, прикажете проводить мистера и миссис Гилберт в их комнату? — тихо спросил он, выводя меня из оцепенения.

— Да, — ответил я, и мой голос прозвучал на удивление сдержанно. — После обеда зайдите в кабинет, я объясню ваши обязанности.

Пара синхронно кивнула. Мужчина — с каким-то обреченным видом, девушка — с легкой, благодарной улыбкой, которая предназначалась не мне, а самой судьбе за предоставленный кров. Они ушли за дворецким, а я остался стоять в холле, сжимая в руке перчатку.

Маркус, старый черт! Он знал, что делал, когда привел её сюда. Девчонка слишком красива, чтобы я удержался. Но в ней было нечто большее, чем просто красота. В ней была эта проклятая преданность мужу, эта тихая, спокойная уверенность в своем счастье. А я не привык проигрывать. Я не привык, чтобы что-то или кто-то ускользало от меня.

Провожая их взглядом, я уже строил план. Пока смутный, похожий на охотничий инстинкт. Я просто решил, что узнаю её поближе. Просто поговорю. Просто увижу, что заставляет её светиться изнутри. А там будет видно. Я и представить не мог, что этот, казалось бы, невинный интерес станет началом конца, первой ступенью на пути, который приведет меня к гибели. Но в тот момент, глядя на то, как она поправляет волосы, уходя по коридору, я чувствовал лишь одно — предвкушение.

Глава 2. Девчонка Гилберт

И вдруг из этой бесконечной черноты проступили они… Два жёлтых глаза. Они горели ровным, немигающим светом, не как свечи и не как фары, а как светятся глаза зверя, затаившегося в чаще. Хищные, вертикальные зрачки сужались и расширялись, будто зверь принюхивался ко мне, примеривался…

Среди ночи из кошмарного сна меня вырвал протяжный, низкий рык. Он донёсся откуда-то с улицы, словно огромный зверь бродил вокруг дома. Я замерла, боясь дышать. Рык повторился — глухой, вибрирующий, полный такой древней тоски и ярости, что волосы на затылке встали дыбом.

Волки? — пронеслась шальная мысль.

Я села на кровати, вглядываясь в тёмный прямоугольник окна. Луна пряталась за тучами, и в комнате было черно, хоть глаз выколи. Сердце колотилось где-то в горле. И вдруг, сквозь вой ветра, мне почудился шёпот. Мужской голос, низкий и властный, произнёс прямо над ухом: *«Ты моя…»*

Звуки прекратились так же резко, как появились. В комнате было тихо. Ни рычания, ни шёпота. Только скрипели старые половицы под чьими-то осторожными шагами в коридоре.

Затаив дыхание, я бесшумно поднялась и схватила тяжёлую кочергу у камина. Возня в замке заставила сердце биться чаще и прибавило уверенности треснуть нахала кочергой по башке! Я приготовилась, встав у стены рядом с дверью.

Дверь медленно открылась. В проеме никого не было. Я ждала, сжимая кочергу так, что побелели костяшки.

— Опусти, или снова усыплю, — раздался из темноты насмешливый голос «зубочистки».

— Что тебе нужно? Изнасиловать меня пришёл? — выплюнула я, не опуская оружия.

Он рассмеялся, сухо и жёстко.

— Ты не в моём вкусе, детка. Хотя задница у тебя что надо.

— Меня сейчас стошнит от твоих комплиментов, — процедила я сквозь зубы.

— Будто меня это волнует.

Он шагнул в комнату и чиркнул зажигалкой, зажигая лампу на столике. Яркий свет на миг ослепил меня.

— Меня зовут Хэван. Так и будешь стоять с кочергой, как верная жена Полифема, или поговорим?

Я медленно опустила «оружие», но не выпустила его из рук.

— Я Алиса.

— Знаю, — усмехнулся он, разглядывая меня с каким-то странным интересом. — Из-за тебя вся эта канитель.

— Простите? — мои брови взлетели вверх. — Канитель?

— Я не тот, кто будет тебе всё объяснять.

— А кто *тот*?

— Хозяин, — терпеливо, как нашкодившей кошке, пояснил Хэван.

— Вы что, чертовы сутенёры? Поите мужиков, обыгрываете в карты и крадёте их жён и дочерей? — выпалила я первое, что пришло в голову.

Хэван удивлённо моргнул, а затем расхохотался уже по-настоящему, запрокинув голову.

— Неплохая идея! — сквозь смех выдавил он. — Подумаю на досуге. Ладно, слушай сюда. Через шесть часов мы должны быть в Хоэрте. Камеристка принесёт завтрак и одежду.

— Камеристка? — я хмыкнула. — Где это — Хоэрт? И где мы вообще?

— В Лондоне.

— В Лондоне?! — выдохнула я. — Сколько я была без сознания?

— Достаточно, чтобы покинуть Америку.

— Как вас так просто выпустили? Где пограничный контроль? Это похищение!

— Детка, будешь много спрашивать — придётся засунуть кляп в твой хорошенький ротик. Хочешь проверить?

Я промолчала, только сильнее сжав кочергу.

— Машина через час. Будь готова, — Хэван подмигнул и вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Я опустилась на край кровати. Англия, похищение, хозяин, рычание за стеной, горящие глаза во сне… Бред. Полный бред. Может, это розыгрыш? Реалити-шоу? Или секта, где все нюхают какие-то странные вещества?

И куда делась твоя хвалёная храбрость, Алиса?

Хрен знает почему, но я теряю самообладание при виде всех этих... мужчин.

Утром мне подали настоящий английский завтрак. Камеристкой оказалась женщина лет сорока, с идеальной осанкой и светлыми волосами, убранными в тугой пучок, от которого каждый волосок блестел, прилизанный лаком. Я съела тосты, яичницу с беконом, выпила кофе и разглядывала одежду, приготовленную на стуле: чёрные скинни, бежевые челси, белая рубашка, чёрный свитер крупной вязки.

Я была слишком спокойна для похищенной. Но что изменит паника? Если бы хотели убить, убили бы сразу, не кормя яичницей. Может, я не сопротивляюсь, потому что мне… интересно? После этого сна с глазами и шёпота в ночи любопытство боролось со страхом.

За окном нетерпеливо засигналила машина. Я вышла в коридор и нос к носу столкнулась с камеристкой.

— Ох, извините! — пролепетала я, отступая.

Женщина окатила меня таким ледяным, полным ненависти взглядом, что я опешила.

— Надеюсь, ты последняя, — прошипела она, брезгливо осматривая меня с ног до головы. — Осточертели мне эти девчонки Гилберт! — рявкнула она и, развернувшись на каблуках, гордо удалилась по коридору, цокая набойками.

Я застыла как вкопанная. За окном сигнал стал настойчивее, но мне было всё равно. Что она имела в виду? Какие девчонки Гилберт?

В дверь влетел Хэван, схватил меня за запястье и бесцеремонно выволок на улицу к поджидавшей машине.

— Чего мы с ней возимся? — буркнул толстопуз с переднего сиденья, даже не обернувшись.

— Заткнись и гони! Опаздываем! — рявкнул Хэван, заталкивая меня на заднее сиденье.

Настоящий, липкий страх сковал меня только сейчас. До меня здесь были другие девушки. Кто такие эти Гилберт? И почему камеристка причислила меня к ним? Что с ними случилось? Исчезли? Умерли?

Я покосилась на Хэвана. Тот мрачно смотрел в окно.

— Что? — заметил он мой взгляд.

— Почему без наручников? — попыталась пошутить я, чтобы разрядить обстановку.

— Будешь выпендриваться — поедешь в багажнике. Там темно и пахнет запасным колесом.

— Уже и спросить ничего нельзя, — буркнула я.

— Задавай нормальные вопросы, — милостиво разрешил он.

— Мисс обиженная-на-весь-мир-камеристка назвала меня «одной из девчонок Гилберт». Почему? Кто это? — выпалила я, подавшись вперёд.

Хэван удивлённо посмотрел на меня, сведя брови к переносице.

— Обалдела!? Фамилию свою забыла?

— Моя фамилия Брайт! Алиса Брайт! — воскликнула я, чувствуя, как внутри закипает паника. — Что за бред?

— Точно она? — прошептал толстопуз, обернувшись к Хэвану.

— Хозяин не ошибается. Никогда, — жёстко отрезал Хэван.

— Значит, она врет! — заключил третий мужчина, Гордъ.

— У меня документы есть! Паспорт, права! Они… где они? — я испуганно зашарила по карманам джинс. Пусто. — Как вы вывезли меня без паспорта?!

Мужчины бегло переглянулись.

— Свои связи, — буркнул наконец Хэван, отворачиваясь.

— Хороши связи, человека без документов оставили! Я теперь нелегал! — не унималась я.

— Они тебе не понадобятся! — рявкнул он. — Уедешь так же, как прилетела, когда всё решится.

Значит, не убьют. По крайней мере, сразу. Уже хорошо.

— А как я уеду, если отец за меня не заплатит? У него нет таких денег.

— Ох, девка! Надо было всё же кляп вставить! — Хэван театрально закатил глаза и потер лоб.

— Ты сам сказал «задавай нормальные вопросы», — усмехнулась я, хотя внутри всё дрожало.

— Лучше разберемся, почему она не Гилберт, — снова подал голос Гордъ. — Алиса, родители тебе родные?

Я поперхнулась воздухом. Вопрос прозвучал как пощёчина.

— Может, мать в роддоме подкинула? — предположил толстопуз, которого, кажется, товарищи звали Крепыш.

— Её мать несколько лет назад умерла, идиот! Хозяин говорил, что у неё сердце остановилось, — оборвал его Гордъ.

— Точно... — Крепыш почесал затылок.

— О чём вы, черт возьми, говорите?! — закричала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Откуда они знают про маму? Про её сердце?

В машине снова повисла гнетущая тишина. Гордъ откашлялся и уставился на извилистую дорогу, ведущую прочь из города.

— Алиса, мы не хотим тебя пугать, — мягко, почти извиняющимся тоном сказал он, не оборачиваясь.

— Так у вас это фигово получается, ребята, — прошептала я, чувствуя, как к горлу подкатывает комок.

— Ничего, у тебя будет время прийти в себя и во всём разобраться. Хозяин ждёт.

Я обречённо вздохнула и прижалась пылающим лбом к холодному стеклу. За окном проносились зелёные холмы, аккуратные домики и овцы. Англия.

Дурдом!

Флешбэк 2. Томас

Эвери проработала в моем доме уже неделю. Я внимательно наблюдал за ней: как двигается, выполняет поручения, тихонько напевает себе под нос. Она оказалась прекрасной хозяйкой. Ее муж, напротив, был олухом. В первый же день забыл закрыть стойло, и жеребец устроил драку с другим конем. На следующий день он порвал дорогую сбрую. Я был в ярости, но Эвери умоляла не увольнять его. Ради нее я сделал последнее предупреждение.

Но дело было не только в ее мольбах. Дело было в ней самой. В том, как она ходила по дому: легко, бесшумно, словно не касаясь пола. В том, как пахли ее волосы — яблоками и утренней росой, когда она проходила мимо. В том, как она смеялась чему-то на кухне — тихо, но этот смех эхом отдавался у меня в груди. Я ловил себя на том, что ищу ее взглядом в коридорах, прислушиваюсь к ее шагам, намеренно оставляю дверь кабинета открытой, чтобы видеть, как она проходит мимо с охапкой белья. Это было наваждение. Безумие. Я, Томас Рид, никогда не бегавший за женщинами — потому что они сами бегали за мной — теперь украдкой следил за собственной служанкой.

Меня бесила ее преданность мужу. Бесило, что она ни разу не взглянула на меня с вожделением. Я привык читать это в женских глазах с первого взгляда: этот блеск, этот интерес, эту искру. В ее же глазах была лишь вежливая почтительность и, что хуже всего, искренняя нежность, когда она смотрела на этого никчемного Лорема. Черт, именно поэтому я не беру молодых служанок! Но ее равнодушие раздражало и заводило вдвойне. Оно стало вызовом. Оно превратило обычное желание в навязчивую идею.

Сегодня Эвери принесла мне завтрак в кабинет. Я редко пускал кого-то в личное пространство, но ради возможности любоваться новой служанкой был готов сделать исключение. Она вошла с подносом, и комната наполнилась светом. На ней было простое серое платье, волосы убраны под чепец, но одна непослушная прядь выбилась и касалась щеки. Мне безумно захотелось убрать ее, провести пальцем по этой щеке, почувствовать, какая она на ощупь: горячая, или прохладная?

Она поставила поднос и начала наливать чай. Я наблюдал за ее руками: длинные, изящные пальцы, которые, казалось, созданы для того, чтобы играть на фортепиано или держать шелк, а не мыть посуду и стелить постели. От одного вида этих пальцев у меня пересохло во рту.

— В это время я предпочитаю вино, — сказал я, не отрываясь от бумаг, хотя ни строчки не прочел с момента ее появления.

— Прикажете подать вина? — спросила она, не поднимая глаз. Голос тихий, ровный, но в нем чувствовалась легкая дрожь. Боится? Или тоже чувствует это напряжение между нами?

Я отложил документы и вздохнул, разглядывая ее: она стоит, чуть склонив голову, сложив руки перед собой. Покорно. Но в этой покорности не было раболепия. Было достоинство. Это бесило еще больше.

— Выпьешь со мной?

Она наконец подняла глаза. На секунду мне показалось, что в них мелькнуло что-то — удивление? интерес? — но нет, взгляд снова стал безупречно вежливым.

— Нет, сэр, благодарю. Если поручений больше нет, я пойду в сад.

— Зачем? — спросил я, хотя прекрасно знал ответ.

— Помочь мужу собрать яблоки.

— Это его работа. Он и должен с ней справляться.

— И все же... — она слегка улыбнулась. Она улыбалась не мне, а мыслям о нем. О своем никчемном муже.

Я встал. Медленно, чувствуя каждое движение собственного тела, я подошел к ней. С каждым моим шагом воздух между нами становился плотнее, тяжелее. Она вздрогнула, когда я оказался рядом. Ее дыхание участилось, я видел, как вздымается грудь под этим уродливым серым платьем.

— Нервничаешь? — уголки моих губ дрогнули в улыбке. Я был так близко, что чувствовал тепло ее тела.

— Немного. — Она не отступила, но голос дрогнул. — Боюсь сделать что-то не так. Мне важна эта работа.

— Только работа? — я склонил голову, вглядываясь в ее лицо. Она покраснела. Легкий румянец разлился по щекам, и это было прекраснейшее зрелище, которое я видел за последние годы.

— Конечно, сэр. — Она отвела взгляд. — Понимаете, мой муж игроман. Задолжал большую сумму, и теперь нам не дают покоя его товарищи. Сестра дала денег, но этого едва хватило даже на часть долга. Мистер Гоберри предложил мне работу здесь, сказал, что вы щедро платите.

Она запиналась от волнения, и это было так чертовски трогательно, что мне захотелось схватить ее в охапку прямо сейчас. Но я сдержался. Я хотел не просто обладать ею, я хотел, чтобы она сама захотела меня.

— Верно, мои слуги не жалуются на жалованье.

Она кивнула, не поднимая глаз. Я смотрел на ее ресницы: длинные, темные, они бросали тень на щеки.

— Ты хорошая жена, Эвери. Жаль, я презираю мужчин, которые перекладывают свое дерьмо на плечи жен.

Она сглотнула. Промолчала, но я видел, как дрогнули ее губы.

— Сколько должен твой муж?

— Пять тысяч фунтов.

Я нервно рассмеялся. Пять тысяч! Целое состояние для простого конюха. Этот идиот не просто олух.

— Ты знаешь, что отработаешь всего полгода?

Она кивнула.

— И понимаешь, что не заработаешь столько, да и мужа я уволю, если он продолжит в том же духе?

— Прошу вас, мистер Рид! — Эвери ухватилась за меня. Ее пальцы сжали мой рукав, и сквозь ткань я почувствовал жар ее ладони.

Я довольно улыбнулся. Мой план изначально был прост: секс в обмен на сохранение рабочего места. Но теперь, зная все детали, задача упрощалась. Пять тысяч — для меня сумма незначительная. А вот для нее... Я смотрел на ее губы, на то, как она кусает их от волнения, и чувствовал, как кровь быстрее бежит по венам.

— Слушай, — я прижал ее к стене. Не грубо, но достаточно решительно, чтобы она поняла: я не отступлю. Мои руки уперлись в стену по обе стороны от ее головы, заключая в ловушку. — Я дам вам эти деньги за небольшую услугу.

Дьявол! Никогда не платил за секс. Никогда. Это было против моих принципов. Но ее неприступность, ее равнодушие, ее проклятая преданность этому ничтожеству — все это свело меня с ума настолько, что я готов был нарушить любые собственные правила.

— Мистер Рид, — она отвела взгляд, щеки пылали огнем. — Я ведь никогда...

— Что? — опешил я. — Ты девственница?!

Эвери кивнула. Едва заметно, но кивнула. У меня перехватило дыхание. Девственница. Замужняя женщина, которая прожила с мужем два года — и девственница.

— Но ты замужем!

— Это... сложно. — Ее глаза наполнились слезами. — Я с детства любила Лорема, но он был предназначен моей сестре Саре. Они были помолвлены. А когда сестра вышла замуж за другого, более состоятельного мужчину, наши родители решили, что я должна занять ее место. Отдали меня ему, как... как вещь.

Она горько заплакала, уткнувшись мне в грудь. Я опешил. Никогда не умел утешать плачущих женщин, ведь обычно они плакали от счастья или от расставания со мной, но это были другие слезы. Я неловко обнял ее, прижимая к себе.

— Лорем не любит меня. Он до сих пор любит Сару. Он ни разу не прикасался ко мне. Мы спим в разных комнатах. Он смотрит сквозь меня. Для него я напоминание о том, чего он лишился.

— Как он может? — прошептал я, гладя ее по волосам, вдыхая их аромат. — Я еле сдерживаюсь, чтобы не взять тебя прямо сейчас. Каждую ночь думаю о тебе, каждую минуту, когда ты рядом, схожу с ума от желания. А он — он спит в другой комнате и не прикасается к такому сокровищу?

Она подняла на меня заплаканные глаза. И в них впервые появился интерес.

— Я готова отдаться вам, мистер Рид, — Эвери улыбнулась сквозь слезы. — Вы красивый и, кажется, добрый. Я заплачу долг Лорема, и, может, тогда он наконец увидит во мне не просто ненавистную жену, а женщину, которая пошла на все ради него.

Ситуация принимала интересный оборот. Я получу Эвери, она деньги и, возможно, мужа. Мне даже льстило, что я буду у нее первым. Что именно я, Томас Рид, научу ее тому, что такое настоящее наслаждение. Что именно мои руки, мои губы, мое тело откроют ей мир плотских удовольствий.

— Сегодня в полночь. Моя спальня, — шепнул я, касаясь губами ее виска.

Страх мелькнул в ее глазах, но она уверенно кивнула, забрала поднос и вышла. Я смотрел, как закрывается дверь, и чувствовал, как бешено колотится сердце. Никогда не понимал человеческих жертв ради любви. Самоотверженно, но чертовски глупо. Отдавать себя другому, чтобы спасти того, кто тебя не любит. Но сейчас мне было плевать на ее мотивы, сегодня ночью она будет моей.

Остаток дня тянулся невыносимо медленно. Я метался по кабинету, не находя себе места. Приказал подать ванну, сменил три костюма, прежде чем остановился на темно-синем халате из тяжелого шелка. Велел зажечь в спальне как можно больше свечей, хотел видеть каждый миллиметр ее кожи. Приказал принести шампанское в судке * со льдом, хотя обычно презирал это легкомысленное питье.

Ровно в полночь Эвери Гилберт стояла на пороге моей спальни.

У меня перехватило дыхание. На ней был надет красный пеньюар — шелк, тонкий, почти прозрачный — струился по ее телу, обрисовывая каждый изгиб. Черные волосы распущены, падают до пояса тяжелой волной. В свете свечей они отливали синевой. Она нервничала — это читалось в каждом движении, в том, как переминалась с ноги на ногу, как кусала губы. Но она пришла. Она пришла ко мне.

Я медленно подошел к ней, сгорая от нетерпения. Сердце колотилось где-то в горле. Хотелось наброситься, разорвать ткань на ее теле, взять и трахнуть, но я заставил себя быть нежным. Она ведь невинна, и я хочу, чтобы этот первый раз запомнился ей навсегда.

— Не бойся, — прошептал я, беря ее за руку. Ее ладонь была горячей и дрожала. — Я люблю женщин и буду осторожен. Ты готова?

Она слабо кивнула, и этот кивок стал призывом к действию.

Тишину ночи разрезал звук поцелуя. Я начал с долгих, нежных, не углубляясь. Просто касался ее губ своими, чувствуя их мягкость, их вкус. Она замерла, не дыша. Легко прикусил ее нижнюю губу, и она ахнула, приоткрыв рот. Я углубил поцелуй, и наши языки встретились в первом, робком, а затем все более страстном.

Она ответила неумело, несмело, и от этого внутри все взорвалось фейерверком.

Я отстранился, покрывая поцелуями ее нежную шею. Целовал плечи, ключицы, чувствуя, как бьется под губами ее пульс. Руками прижимал к себе, ощущая сквозь тонкий шелк жар ее тела. Пеньюар соскользнул с плеч, открывая взору маленькую, но прекрасную грудь с тугими розовыми сосками. Эвери вздрогнула, прикрываясь руками, но я перехватил их.

— Не надо, — прошептал я, глядя ей в глаза. — Ты прекрасна. Самая красивая женщина, которую я видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.